

має цей стимул у певний спосіб, сприйме стимул так само, як і вся група.

Потреби і стиль пізнання базуються на тому, що різні люди ставлять різні вимоги до виразності й цілісності пізнання. За стилем пізнання вирізняють такі типи людей – уточнювачі та спрощувачі [2].

Уточнювачі – приділяють увагу навіть несуттєвим подробицям, активно шукають натяків, які ліквідували б невизначеність, дуже чутливі до інформації.

Спрощувачі – оперують обмеженим набором пізнавальних категорій (понять). Намагаються кожне нове поняття вкласти у знайому модель. У неясних ситуаціях намагаються триматися осторонь.

Відмінність між уточнювачами і спрощувачами досягає максимуму, коли вони опиняються в нових, невідомих раніше ситуаціях. Спрощувачі активізують механізм асиміляції. Уточнювачі – ні. Зате уточнювачі більше, ніж спрощувачі, схильні змінювати своє ставлення на негативне, коли звернення не задовольняє їхньої потреби в пізнавальній виразності. Натомість спрощувачів відлякують зайві подробиці й деталі.

На підтвердження теорії було проведено лінгвістичний експеримент – анкетування представників громадськості АР Крим (частково мусульман та християн). У запропонованій анкеті були представлені відомості про респондентів та переказ тесту конфесійного стилю. У ході експерименту виявлено серед 100% опитаних до групи уточнювачів належить 47 % і решта 53% – спрощувачі. Примітним є той факт, що релігійні респонденти, не зважаючи на приналежність до тієї або іншої конфесії, з більшою легкістю інтерпретують значення малознайомих конфесійних термінів, вжитих у поданому для експерименту тексті для виявлення ступеня обізнаності і розуміння конфесійної лексики.

Розуміння повідомлення є складною літературознавчою, філософською, психологічною, комунікативною проблемою, яка не має та не може мати однозначного вирішення. Розглядають розуміння і як своєрідну інтерпретацію, і як оцінку, і як засіб побудови власних ментальних процесів.

Список літератури:

1. Бацевич Ф.С. Основи комунікативної лінгвістики: Підручник. – К.: «Академія», 2004. – 344 с.
2. Войчак А.В. Маркетинговий менеджмент. – К.: КНЕУ, 1998.
3. Леонтьев А.А. Основы психолінгвістики. – М., 1997.
4. Леонтьев А.А. Психолінгвістические единицы и порождение речевого высказывания – М., 1969.
5. Международный кодекс рекламной практики / Пер. с англ. Н. В. Гениной, В. Е. Демидова. – К.: Укрреклама, 1995.
6. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. Изд.второе, - М.: Аспект Пресс, 1996, с189.
7. Москаленко А. З., Губерський Л. В., Іванов В. Ф., Вергун В. А. Масова комунікація. – К., 1997.
8. Слобин Д. Грин Дж. Психолінгвістика. – М., 1976.
9. <http://slada.in.ua/2008/77>
10. <http://www.refine.org.ua/html>
11. http://orthodox.org.ua/uk/slovo_do_chitachiv/html

Кугушева А.Ю.

ВЛИЯНИЕ АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ТВОРЧЕСТВО ФРАНСУА РАБЛЕ

Расцвет Северного Возрождения во Франции пришелся на начало XVI века. Одной из отличительных черт этого интеллектуального и культурного движения является интерес к национальным языкам и истории собственной страны, соперничающий даже с приверженностью к мертвым языкам и истории Древней Греции и Рима. Науки и искусства получают возможность свободно развиваться; античное литературное наследие покидает стены монастырских скрипториев и завоевывает широкий круг читателей.

В это время жил и творил великий французский ученый и гуманист, Франсуа Рабле, автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». Отдавая дань моде своей эпохи, при его написании он использовал труды античных историков, комедиографов и трагиков. Целью данной работы является определение авторов древности, которые оказали наиболее значительное влияние на творчество Рабле.

На рубеже XV-XVI веков Западноевропейское Возрождение черпало силы из своей древней истории, восхищалось греческим гением; находило основание для чувств и мыслей, которые витали в воздухе, в общности с античностью. Люди позднего средневековья стремились найти в античном мире источник новой жизни, самих себя; они возвращались от Града Божия к царству человеческому, чтобы утвердить веру в «универсального человека». Они лихорадочно искали примеры в истории, отыскивали и истолковывали различные рукописи и памятники, чтобы иметь право на реминисценцию. Заимствование у древних сочинений считалось отнюдь не плагиатом, а, наоборот, признаком образованности (если автор еще имел что добавить от себя к уже сказанному ранее) [7, с.19-20]. Помимо латыни, арабский, древнегреческий и древнееврейский получили небывалое распространение; гуманисты щеголяли цитатами из античных трактатов, с удовольствием приносили элементы чужих языков в национальные. Появилась мода на подражание стилю древних авторов. После опубликования в конце XV века грамматического сочинения Лоренцо Валлы распространяется подлинный Цицеронианизм. Особый стиль Цицерона в письмах, блеск его речей и ясность философских представлений находили живой отклик в душах гуманистов [5, с.309]. Известно, что Альд Мануций, выдающийся гуманист, отказывался от распространения книги, если она казалась ему написанной недостаточно изящным стилем. «Слог сразу становится прекрасен, а ум – зрел. <...>. Ученость, пе-

рейды из монастырей во дворцы, из материала для споров превращается в источник наслаждения» [10, с.274]. Подражание древним было настолько распространено, что гуманисты творили сознательно, целеустремленно и нарочито свой образ по подобию античных авторов: они копировали их «манеру держаться, говорить, ходить, одеваться, работать и отдыхать, переписываться и даже умирать» [18, с.143].

Повальное увлечение древностью способствовало распространению литературы, особенно печатной, в западноевропейском регионе. Общедоступность знаний делала науку еще более привлекательной, несмотря на протесты церкви и правительственных кругов. Ученики Гейнлина, профессора теологи Базельского университета Иоганн Амербах и Фробен, с середины XV века издавали античных авторов и распространяли по городам Германии гуманистическую литературу [17, с.121]. Никлас фон Виле (умер в 1478 или 1479 г.) познакомил немецкого читателя с рядом произведений античной и итальянской ренессансной литературы (Апулей, Петрарка, Боккаччо, Поджо, Эней Сильвио и др.). Вольный перевод двух комедий Плавта опубликовал бамбергский клирик Альбрехт фон Эйб (1420–1475). В 1486 г. появился перевод комедии Теренция «Евнух», сделанный ульмским бургомистром Гансом Нитгартом. В 1499 г. был издан полный перевод Теренция на немецком языке [14, с.26-27]. Во Франции «Кимвал мира» (1537) Бонавантюра Деперье явился одним из самых замечательных и вместе с тем последних произведений этого рода, так же как и трактат Бюде «О переходе эллинизма к христианству» (1534) [11, с.39-52]. Менее известен выполненный Томасом Мурнером перевод на немецкий язык «Энеиды» Вергилия (1512 г.) [17, с.131].

***

Что касается античного наследия в произведении Рабле, то без него роман просто невозможно представить. Практически три четверти имен в пяти книгах имеют греческие и латинские корни. В романе насчитывается около 1 000 латинизмов и более 500 эллинизмов, из которых десятка два введены самим Рабле. С первых же страниц «Гаргантюа» на читателя обрушивается целый шквал античных авторов: Гераклид Понтийский; Луций Анней Корнута (Введение); Квинт Гораций Флакк, Платон (гл. I); Плиний Страший (гл. VIII); Тит Ливий (гл. X), а с ним Марк Туллий, Диагор Родосский, Хилон, Софокл, Дионисий. В книге «Пантагрюэль» упоминается диалог Лукиана «Икароменипп» (гл. XIV), «хитрость» с письмом у Авла Геллия (гл. XXXII). В «Третьей книге» говорится о «Горшечной комедии» Плавта (Введение); о подсчетах греческого алфавита Ксенократа (гл. III); о том, что Гераклит по прозвищу «Темный» («Скотейнос») был «скоттистом» – последователем Иоганна Скотта. В «Четвертой книге» говорится о «катоновской физиономии» (см. письмо к кардиналу Оде); о таранде Плиния Старшего (гл. II) и о доблестных персиянках Плутарха (гл. XLVII); в «Пятой книге» упоминается забавная теория Пифагора об одушевленности бобов; сфинкс наместника Верреса (гл. XII) и чудный светильник Каллимаха (гл. XLI), по свидетельству Павсания. Целая котлета цитат, заимствований сюжетов, и не самых оригинальных, составляет художественный стиль, соответствующий вкусам позднего Средневековья.

Профессиональная деятельность Рабле наложила своеобразный отпечаток на его «античные» предпочтения. В университете Монпелье ему довелось читать лекции на медицинском факультете; в качестве темы им были избраны комментарии к «Афоризмам» Гиппократов и сочинениям Галена. Об этих книгах сам мэтр писал так: «Одна запятая, прибавленная, зачёркнутая или не на месте поставленная, может стоить жизни нескольким тысячам людей»; имелось в виду, что при переписывании текста допускались многочисленные ошибки, а рецепты лекарственных средств требовали особой точности в дозировке [2, с.20]. Позднее, уже в Лионе Рабле делил время между больницей и книжной лавкой Себастьяна Грифа, владевшего типографией. В 1532 году здесь он напечатал “*Epistolae medicinales Manardi*”, посвятив это издание судье Тирако, и «Афоризмы» Гиппократов с посвящением епископу Жофруа д’Эстисаку. В добавление к Гиппократу Рабле напечатал “*Ars parva*” Галена в латинском переводе с комментариями и ссылками на греческий текст [16, с.28]. Одновременно им были изданы два отрывка из римского права: завещание Луция Куспидия и купчая крепость с посвящением, написанным наполовину на латинском языке, Эмери Бушару, ставшему советником короля и членом государственного совета». К сожалению, оба текста оказались поддельными и были сфабрикованы: один – Помпеем Лактом, а другой – Ювианом Понтаном, который сделал из купчей крепости вступление к комическому диалогу, озаглавленному им “*Actius*” [19, с.710].

Многие исследователи сходятся во мнении, что на творчество Рабле значительное влияние оказал Лукиан. Так, Анатолий Франс отмечает: эпизод, связанный с не дошедшей до нас версией народной легенды, где Гаргантюа должен был спускаться в ад, Рабле превращает в сцену смерти и воскрешения Эпистемона по типу лукиановского загробного мира. (Намек на этот эпизод имеется в одном старом фарсе, датированном примерно 1440 годом) [19, с.750-751].

У Лукиана, в сатирическом цикле «Разговоры в царстве мертвых» мы находим следующее:

«Крез. Мы все плачем и стонем, вспоминая свою земную судьбу: вот этот, Мидас, - золото, Сарданапал – великую роскошь, я, Крез, - свои сокровища, а он смеется над нами у ругается, называя нас рабами и подонками, а то вдруг начнет петь, нарочно мешая нам плакать; одним словом, он нам в тягость» [9, с.366].

«Менипп. Покажи мне людей древности, в особенности знаменитых.

Эак. Вот здесь Агамемнон, там Ахилл, рядом с ним Идомей, вот этот – Одиссей, дальше Аянт и Диомед и все лучшие из эллинов.

Менипп. Увы, Гомер! Все главные герои твоих поэм валяются в пыли, обезображенные так, что их не узнать, горсточка праха, жалкие остатки и больше ничего, действительно «бессильные головы» [9, с.392-393].

«Менипп. А кто же этот, весь в золе. Как скверный хлеб, покрытый пузырями?

Эак. Это Эмпедокл; он пришел к нам из Этны наполовину изжаренный» [9, с.392-393].

Глава XXX «Пантагрюэля» описывает преисподнюю следующим образом:

«Я видел Эпиктета, одетого со вкусом, по французской моде: под купой дерев он развлекался с компанией девиц, - пил, танцевал, закатывал пиры по всякому поводу, а возле него лежала гряда эку с изображением солнца» [15, с.192].

«– Обходятся с ними [грешниками] совсем не так плохо, как вы думаете, - продолжал Эпистемон, - но только в их положении произошла странная перемена: я видел, как Александр Великий чинил старые штаны, - этим он кое-как зарабатывал себе на хлеб. Ксеркс торгует на улице горчицей, Ромул – солью, Нума – гвоздями, Тарквиний сквалыжничает, Пизон крестьянствует...» [15, с.190].

Также находят определенное сходство между эпизодом посещения Алькофрибасом Назье рта Пантагрюэля («Пантагрюэль», глава XXXII) и отрывком из «Правдивой истории» Лукиана, где главный герой попадает во чрево кита.

Лукиан: «Очувтившись внутри, мы сначала ничего не могли рассмотреть, так как там господствовал полный мрак; но когда кит опять разинул пасть, мы увидели, что находимся в темной пещере, такой необычайной ширины и высоты, что в ней мог бы уместиться город с десятью тысячами жителей <...>. Не успели мы пройти и пять стадиев, как натолкнулись на храм, судя по надписи, посвященный Посейдону. <...> Мы быстро пошли дальше и вскоре увидели старика и юношу, усердно работавших в огороде и проводивших в него воду из источника» [9, с.526-528].

Рабле: «Тогда я постарался залезть как можно выше и, пройдя добрых две мили по языку, в конце концов забрался в рот. Но, боги и богини, что я там увидел! Да поразит меня Юпитер громовержущим своим трезубцем, если я вру! Я ходил там, как по св. Софии в Константинополе, и видел скалы, высокие, как горы в дани, - по-видимому, это зубы, - обширные луга, дремучие леса и большие укрепленные города, вроде нашего Лиона или Пуатье. Первый, кого я там встретил, был один добрый человек, сажавший капусту» [15, с.195-197].

Помимо прочего, Франс проводит аналогии между главой XXXIII «Пятой книги» и еще одним эпизодом из «Правдивой истории», в описании города Лампограда.

Лукиан: «Город этот [Лампоград] находится в воздухе между Гиадами и Плеядами, не значительно ниже Зодиака. Высадившись, мы не встретили ни одного человека, но видели множество светильников, снующих по всем направлениям и чем-то занятых на рынке и в гавани. Одни из них были невелики и казались бедняками; другие - весьма немногочисленные – принадлежали к большим и знатным: их можно было отличить по яркости и блеску. У каждого из них был свой собственный дом и подсвечник... При этом я узнал и наш домашний светильник; заговорив с ним, я стал расспрашивать его про домашние дела, и он поведал мне все, что знал» [9, с. 524-525].

Рабле: «Фонари родовитые были облачены кто в одежду из стразов, кто в одежду из фенгитов, прочие же в одежду роговую, бумажную, клеенчатую. Фонари уличные также были одеты прилично своему званию и древности рода». «Нами был выбран и предпочтен спутник великого учителя Пьера Лами. Некогда я был с ним близко знаком, он тоже узнал меня...» [15, с. 489-490; 19, с. 842.].

Автор широко известных «Нравственных сочинений», Плутарх, привлекал гуманистов разнообразием затрагиваемых тем («Наставление супругам», «Нравственные сочинения», «О воспитании детей», «О музыке», «Сравнение Аристофана и Менандра», «О суеверии», «О том, что не надо делать долгов», «Грилл, или О том, что животные обладают разумом», «О медленности кары со стороны богов», «О доблестных деяниях женщин», «О любопытстве» и т.д.) и поучительностью «Избранных жизнеописаний» [12]. В рассуждениях «О том, что не надо делать долгов», находим: «Напротив, многие, дабы покрыть праздные расходы и удовлетворить сверхъестественные и лишние желания, не используют свое, но обращаются за помощью к другим, влезая глубоко в долги без особой на то потребности. Сейчас, возможно, берущего в долг и не осудят строго, но считается, что ростовщики обычно не предоставляют денег тем, кто терпит нужду, разве только из желания получить проценты... Таким образом, кредит, предоставленный кредитором, – достаточное доказательство того, что заемщик задолжал; тогда как с тех пор, как он задолжал, он должен воздерживаться от заимствования» [1]. У Рабле в «Третьей книге» теме долгов посвящены главы II-V.

Не менее известно сравнение двух сцен, предпринятое Анатолем Франсом: Плутарх приводит в «Сравнительных жизнеописаниях» историю мудреца Кинейя при дворе Пирра [13, с. 470-471]. Рабле пересказывает ее, но вместо советника Кинейя фигурирует Эхефрон, советник воинственного короля Пикрохола («Гаргантюа», глава XXXIII).

Тот же Франс находит, что сцена гибели скряги Пошеям сходна с эпизодом смерти Пенфея, оскорбленного бога Диониса, в трагедии «Вакханки» Еврипида [19, с. 811]. Пенфей заключает Вакха в темницу, но, по воле богов, сам становится жертвой вакханок, собравшихся на празднества на горе Киферон: в иступлении жрицы разрывают его на части.

«Но он молил напрасно: губы пеной
У ней покрылись, дико взор блуждал,
И рассуждать была она не в силах:
Во власти Вакха вся тогда была.
Вот в обе руки левую берет
Злосчастного Пенфея руку, крепко
В бок уперлась и...вырвала с плечом.
Не силою, а божьим изволением.
Ино с другой напала стороны
И тело рвет. Явилась Автоноя,

За ней толпа. И дикий гул стоял
 Над местом мук. Стонал Пенфей несчастный,
 Пока дышал, и ликований женских
 Носились клики. Руку тащит та,
 А та – ступню с сандалией, и с ребер
 Сдирают мясо, кости обнажая,
 И обогранными руками тело
 Царя разносят в бешеной игре...» [8, с. 396-397; с.422-423].

Рабле в главе XIII «Четвертой книги» рассказывает, как Франсуа Виллон, устраивавший ежегодные представления Страстей господних, был оскорблен братом Пошеям и подговорил лицедеев, одетых чертями, напугать кобылу, на которой францисканец ехал за податями: «Кобыла в ужасе припустилась рысью, затрещала, заскакала, понеслась галопом, начала брыкаться на дыбы взвизгивая, из стороны в сторону метаться, взрывать и, наконец, как ни цеплялся Пошеям за луку седла, сбросила его наземь. Стремена у него были веревочные: правую его сандалию так прочно опутали эти веревки, что он никак не мог ее высвободить. Кобыла поволокла его задом по земле, продолжая взбрыкивать всеми четырьмя ногами и со страху перемахивая через изгороди, кусты и канавы. Дело кончилось тем, что она разможила ему голову, и у осанного креста из головы вываливался мозг; потом оторвала ему руки, и они разлетелись одна туда, другая сюда, потом оторвала ноги, потом выпустила ему кишки, и когда она примчалась в монастырь, то на ней висела лишь его правая нога в запутавшейся сандалиии» [15, с. 344-345].

Аристофан и Рабле.

Непреложным фактом в медиэвистике считается, что на творчество Рабле в наибольшей степени повлияло наследие древнеаттического комедиографа Аристофана, чей жизнеутверждающий, народный язык находил почитателей уже в эллинистическую эпоху. В Средние века специфичность комедийного театра V в. до н.э. делала этого автора малопонятным, что не уменьшало его славы [6]. В «Книге четвертой» мы находим два прямых упоминания Аристофана:

« – Самое время обедать, – заметил Пантагрюэль, – ибо приближается та священная линия, о которой так много говорит Аристофан в своей комедии «Законодательницы»...». <...>. « – Этот вертопрах Еврипид вечно поносил женщин, – сказал Панург. – За это небеса отомстили ему тем, что его разорвали псы, как утверждает его недоброжелатель – Аристофан» [15, с.425]. Впрочем, некоторые авторы склонны считать, что во втором случае имелся в виду Аристофан Византийский, александрийский филолог, автор биографии Еврипида, живший в III веке до н.э.

Хотя древнегреческого комедиографа называли пошлым, как и Рабле, его произведения в начале XVI века были необычайно популярны, как в силу общего интереса к античности, так и в силу особого обаяния комедий Аристофана. Все, что ни делает человек, было достойно, с точки зрения гуманистов, того, чтобы быть оговоренным. Следует остановиться более подробно на эстетических законах, по которым Рабле создает в своих комедиях особое измерение – сплетение реального и фантастического миров, и сравним их с законами, торжествующими у Аристофана.

Прежде всего, бросается в глаза сказочность сюжетов у обоих авторов, переходящая в ирреальность лубков и побасенок. Становится возможным невозможное: война со Спартой прекращается, поскольку Дикеополь заключил для себя договор о мире («Ахарняне»); Гаргантюа уносит колокола Собора Парижской Богоматери; Шулятрис взывает к Юпитеру и получает щедрое вознаграждение за честность. Пантагрюэль прощает долги Панурга, составлявшие постоянный и непостоянный доход от имения Рагу на три года вперед; Тригей берет в жены девушку-Урожай, освободив из плена богиню-Тишину («Мир»). Но основы конфликтов вырастают из конкретных, исторических обусловленных противоречий современной авторам действительности. Предполагаемое разрешение конфликтных ситуаций призрачно, но для мира фантазии нет ничего невозможного; в отличие от реального мира, здесь всегда побеждает сторона, к которой относятся симпатии автора. Отсюда и проистекает противоречивость авторов: они утверждают положительные идеалы, которые в реальном мире были бы беспомощны, нежизнеспособны; но в произведениях они получают силу, власть, поддержку друзей. Пантагрюэль, безусловно, является положительным героем, даже слишком, что заставляет усомниться в его жизнеспособности. Колбасник («Всадники») побеждает противника - Пафлагонца лишь потому, что сам является большим пройдохой, чем последний. Панург, «чудеснейший из смертных», пользуется особыми привилегиями у автора – это гуляка и шулер, который позволяет себе непристойности, низкие и омерзительные поступки. Ведь это не реальные исторические лица, а обобщенные художественные типы; но они были легко узнаваемы современниками. Бытовало мнение, что в виде кроткого Пантагрюэля изображен Франциск I, а в Панурге видели самого автора. Аристофана мало заботило соответствие художественной интерпретации характера реально жившего человека действительности. Его Сократ не соответствует Сократу историческому, это художественный образ софиста вообще как такового («Облака»). У Рабле же характеристика героев максимально приближена к реальности, хотя никаких конкретных ссылок на прототип - историческое лицо для главных героев нет. Эта своеобразная индивидуализация, «очеловечивание» собирательного образа относится, впрочем, и к Аристофану, но лишь в поздних комедиях, когда он говорит уже не о реально живших людях, а о героях-типажах. Но оба автора при описании героев сводят самые высокие матери к их чувственным проявлениям. Боги Аристофана объявлены сводниками («Мир»), обжорами и лентяями («Птицы»); Дикеополь, наслаждаясь миром и благоденствием, без зазрений совести ошупывает грудь некой девушки («Ахарняне»), а в «мыслильне» Сократа ученик философа изучает небесные сферы «подручными средствами», т.е. задом («Облака»). Просвещенный Пантаг-

рюэль ходит к девицам и хохочет над скабрёзными шуточками Панурга. И в этом «принижении» высоких идеалов-героев состоит основное обаяние обоих авторов: их образы максимально приближены к обычным людям, в них есть черты, присущие многим.

С целью изображения своих персонажей авторы используют параллельно различные потоки речи: фольклорную, бытовую речь, возвышенные речи трагических героев и торжественные пророчества, а также звукоподражание (кваканье лягушек, пенье птиц у Аристофана) и словесные ряды омонимов (на французском языке) у Рабле. Язык обретает пластичность сверхъестественную, из него можно построить и вылепить любую речь, вплоть до страниц сопоставлений, где слова перечисляются до полной потери смысла. Из мельчайшей мозаики разнообразных языковых элементов авторы создают особое пространство, которое простерлось от вершин цicerоновского слога до площадной брани, живое и образное [3, с.17-26].

У Аристофана Рабле позаимствовал многие сюжеты.

«Ахарняне»:

«Дружка: Но он просил, чтобы за мясо мира ты

Одну лишь ложку налил в эту баночку.

Не на войну он хочет, а к жене в постель». <...>

Дикеополь: Ну что же, говори.

(Подружка шепчет ему на ухо)

Смешна поистине

Невесты просьба. Просит настоятельно

Оставить ей оружие новобрачного» [3, с.61-62].

У Рабле в главе VIII «Третьей книги» читаем: «Об этой самой женщине говорится в третьей книге *Шашней девиц*:

Узрев, что муж ее собрался в бой

Идти с незащищенной мотнею,

Жена сказала: «Друг, прикрой броней

Свой бедный гульфик, столь любимый мной».

Считаю мудрым я совет такой,

Хотя он был подсказан ей испугом:

Вдруг будет отнят у нее войной

Кусок, который лаком всем супругам» [15, с.233].

Далее, в комедии «Ахарняне», Глашатай объявляет военачальнику Ламаху о начале войны. Вестник оповещает Дикеополя о том, что он приглашен на богатое угощение к жрецу Диониса. Ламах собирается на войну, а Дикеополь – на пир:

«Ламах: Мне чесноку и соли, с тмином смешанной!

Дикеополь: Мне балыку! Чеснок мне отвратителен.

Ламах: Мне солонины, да с душиком, немедленно!

Дикеополь: А мне свинины! Там ее поджарю я.

Ламах: Мне принеси для шлема оперение!

Дикеополь: Мне голубя и перепела вынеси!

Ламах: Чудесны, белоснежны перья страуса.

Дикеополь: Чудесно и румяно мясо голубя <...>.

Ламах: Мне рукоять щита скорее вынеси.

Дикеополь: А мне, мой раб, неси скорее чапельник.

Ламах: Подай сюда мой круглый щит с Горгоною!

Дикеополь: А мне подай ты кружку вместо панциря» [3, с. 64-67].

У Рабле, в главе XXVII «Пантагрюэля»: «Тут все они, взывав духом, с пением деревенских песен поставили высокий столп и к нему привесили седло, конский налобник с плюмажем, стремяна, шпоры, кольчугу, полный набор стальных доспехов, топор, рапиру. Железную перчатку, булаву, кольчужные ластовицы, наколенники, ожерелье, - слово, все приспособления, необходимые для того, чтобы воздвигнуть триумфальную арку или же трофейный столп. <...>. Панург насадил на высокий столп сперва рога, шкуру и переднюю правую ногу козули, потом уши трех зайчат, спинку кролика, челюсти матерого зайца, крылья пары дроф, лапки четырех голубей, склянку с уксусом, рожок, куда они клали соль, деревянный вертел, шпиговальную иглу, старый дырявый котел, соусник, глиняную солонку и бовезский стаканчик. <...> Наконец Пантагрюэль сказал:

– Пора, друзья мои! Загуляли мы с вами. А между тем вряд ли великие чревоугодники способны на ратные подвиги. Нет лучше тени, чем тень от знамени, лучше пара, чем пар от коня, лучше звона, чем звон доспехов.

При этих словах Эпистемон усмехнулся и сказал:

– Нет лучше тени, чем тень от кухни, лучше пара, чем пар от пирога, и лучше звона, чем звон чаш...» [15, с. 181- 183].

В творчестве обоих комедиографов значительное место занимает тема судебных процессов. Аристофан посвятил им комедию «Осы»:

«Бделиклеон: Внимайте жалобе. Ее приносит пес

Из дома Кидафин: «Эксонский пес Лабий

Меня обидел тем. Что сицилийский сыр

Он съел один. Карать ремнем смоковничьим».

Филоклеон: Собачья смерть ему, раз будет осужден! <...>

Пес Кидафинский: О судьи, на него претензию мою

Уж выслушали вы. Не одного меня,

А всех матросов он обидел глубоко.

Легко ль? Огромный сыр он в угол утащил

И усилил там без ведома других» [3, с. 286-287].

Рабле: «– Какие еще процессы? – спросил я. – Ведь у вас ни кола, ни двора.

– Друг мой, – отвечал он, – местные девицы по наущению дьявола изобрели высокие воротники, закрывающие даже шею, так что руку некуда просунуть. <...>. В один прекрасный вторник я подал в суд на этих девиц, и в своем прошении я указал, какой громадный ущерб наносит это моим интересам, и предупредил, что если суд не примет надлежащих мер, то я на том же основании пришью себе гульфик сзади» [15, с.163].

Преисподняя Аристофана, представленная в комедии «Лягушки», гораздо ближе к аду Рабле; здесь умершие обладают плотью и кровью, равно как и страстями, заимствованными у живых:

«Первая торговка: Платана, эй, беги, держи! Мошенник тут,

Ввалившийся наемни в нашу лавочку

И дюжину сожравший калачей.

...Стащил он двадцать пять кусков говядины

По три гроша кусок» [3, с.280].

Рабле: «Я видел, как Патлен, Казначей Радаманта, приценивался к пирожкам, которыми торговал папа Юлий. «Почем десяток?» – спросил Патлен. «Три бланка», – отвечал папа. «Не хочешь ли три удара палкой? – сказал Патлен. – Давай сюда пирожки, негодяй, а сам ступай за другими» [15, с.193].

Из комедии Аристофана «Птицы» Рабле заимствовал образ города, построенного между небом и землей, с целью отгородить мир людей от мира богов – в XVI веке он назвал всевластными «птицами» служителей церкви.

«Эвельпид: Ты прежде человеком был, как мы теперь,

Долгов имел немало, как и мы теперь,

И отдавать их не любил, как мы теперь.

Затем ты сразу обернулся птицею...» [3, с.15] .

Рабле, в главе IV «Пятой книги» пишет: «Матери, не в силах прокормить детей, «накидывают им поверх детского платья какую ни на есть рубашонку, срезают с их макушек... сколько-то там волосков, ... и превращают их во в этаких птиц»» [15, с.440].

Аристофан: «Писфетер: Да. Сильна и могуча была эта власть.

И хотя городами Эллады

Управляли не птицы, а люди – царит Менелай

Или там Агамемнон,

Птица все же сидела на царском жезле

И брала свою долю во взятках» [3, с.38].

Рабле: «Из Турени к нам ежегодно чего-чего только не доставляют, и даже как-то раз ваши соотчичи, заезжавшие к нам по пути, говорили, что герцог туренский подголаживает по причине чрезмерной щедрости его предшественников, которые закармливали высокопресвященнейших этих птиц фазанами, куропатками, рябчиками, индейками, жирными лодюнскими каплунами и всякого рода крупной и мелкой дичью. ...Взгляните на это насест с птицами: какие они откормленные, раздобревшие, - это все благодаря пожертвованиям, и потому-то они так сладко поют» [15, с.442].

Приведенные в работе цитаты Лукиана, Плутарха, Еврипида и Аристофана доказывают верность теории о заимствовании сюжетов у античных авторов в гуманистической литературе французского направления Северного Ренессанса, наиболее ярким представителем которой является Рабле. Античность, представленная в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль», построена на реминисценциях и прямом цитировании древних авторов, что нисколько не умаляет его ценность для Северного Возрождения и мировой культуры в целом. Духовная связь с цивилизациями Древней Греции и Рима позволяла гуманистам формировать новую общественную мораль, изменять структуру общества; автор рассматриваемого произведения не был исключением. Влияние указанных деятелей культуры на его творчество неоспоримо; определяющим является наследие комедиографа Аристофана.

Источники и литература

1. AGAINST RUNNING IN DEBT, OR TAKING UP MONEY UPON USURY. - Plutarch, The Morals, vol. 5 [1878]. Edition used: Plutarch's Morals. Translated from the Greek by Several Hands. Corrected and Revised by William W. Goodwin, with an Introduction by Ralph Waldo Emerson. 5 Volumes. (Boston: Little, Brown, and Co., 1878). Vol. 5. (<http://oll.libertyfund.org>).
2. Анненская А.Н. Франсуа Рабле. Его жизнь и литературная деятельность: Биографический очерк. - СПб, Тип. Эрлих, 1892. – 78 с., ил.
3. Аристофан. Избранные комедии. – М.: «Художественная литература», 1974. – 493 с. с ил.
4. Аристофан. Комедии: В 2-х т. Т.1, 2. Пер. с древнегреч. – М.: Искусство, 1983. – 440 с., ил.
5. Буркгардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. Перев. Бриллианта. 8-е изд., переп. Л. Гейгером, в 2 т. Т.1. – СПб, изд. Пирожкова, 1904. – 427 с.
6. Великий представитель мировой культуры //ВДИ, 1954. – №3. – С.3.....

7. Виллари. Николо Макиавелли и его время, в 3 т. Т.1. со вступ. ст. проф. М.М.Ковалевского. Пер. с итал. И.М. Кригеля. – СПб: «Грядущий день», 1914. – 458 с.
8. Еврипид. Трагедии. Т.2.- М.: Искусство. 1980. – 654 с., ил.
9. Лукиан. Избранная проза.- М.: Правда, 1991. – 720 с.
10. Марьежоль Ж.Г. История Средних веков и Нового времени (1270-1610). –СПб, изд. Л.Ф.Пантелеева, 1893. – 386 с. с ил.
11. Немилев А. Н. Специфика гуманизма Северного Возрождения (типология и периодизация) //Типология и периодизация культуры Возрождения.– М., «Наука», 1978. – С....
12. Плутарх. Избранные жизнеописания. В двух томах. Том 1. – М.: Правда, 1986. – 592 с.
13. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО. –Пресс, Харьков: Изд-во Фолио, 1999. – 1168 с.
14. Пуришев Б.И. Очерки немецкой литературы. XV-XVII в.в. – М.:Гослитиздат, 1955. – 392 с.
15. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль.Пер. с фр. Н. Любимова; [Вступит. статья А. Дживилевова, С.3-20; Примеч. С. Артамонова; Ил. Г. Доре]. – М., Правда, 1981. – 560 с., 5 л. ил.
16. Рабле. Мольер. Вольтер. Гюго. Жор Санд. Золя. – Челябинск. Урал LTD .1998. – 515с., ил.
17. Смирин М.М. Германия эпохи Реформации и великой крестьянской войны для учителей. – М.,Учпедгиз,1962. – 236 с.; 3 л. карт.
18. Сунягин Г.Ф. Промышленный труд и культура Возрождения. – Л.,Изд-во ЛГУ, 1987. – 159, [2] с.
19. Франс А. Собрание сочинений. 8т., Т.7. – М., Госполитиздат, 1959. – 928 с.; 1 л. илл.

Максутова Л.В.

ВАРІАЦІЇ В МОВНОМУ ВИКОРИСТАННІ З ПОГЛЯДУ МІЖКУЛЬТУРНОГО СПІЛКУВАННЯ

Актуальність. У світі міжнародної незалежності здатність розуміти та плідно спілкуватися з людьми інших культур дуже підвищилась. Необхідність міжкультурного розуміння не починається або на закінчується на національних кордонах. Задля ефективного виконання роботи в багатокультурних організаціях, людям з різних расових та етнічних груп необхідно розуміти культуру та моделі спілкування кожного.

Один з найбільш важливих внесків в наше розуміння зв'язку між мовою та культурою приходить з роботи 1956 року Уорфа. Спираючись на дослідження Сапіра 1925 року, Уорф проаналізував мову індіанців штату Арізона Хопі та приходить до висновку, що мова – це не тільки відтворювальний інструмент для висловлювання ідей. Це творець наших ідей. Замість того, щоб приділяти увагу словарному запасу, Уорф концентрується на структурних різницях між мовою індіанців та європейськими мовами. Наприклад, у своєму аналізі множини, Уорф відзначає, що англомовні люди використовують форму множини як для циклічних іменників (іменники, які відносяться до назв днів, літ та інших часових одиниць), так і для збірних іменників (іменники, які мають фізичний референт, наприклад, яблуко). Індіанці ж не використовують циклічних іменників, вони замість них використовують збірні. У мові хопі у циклічних іменників немає форми множини; вони мають форму тривалості. Тому індіанським еквівалентом англійській формі речення “Він пробув десять днів” буде “Він пробув до одинадцятого дня” [5, с. 72]. Мова хопі немає видно-часових форм, які в багатьох європейських мовах узгоджуються з певними одиницями минулого, теперішнього та майбутнього. Англомовна людина виражає подію, яка відбувається в сьогочасний момент, в одній з двох конструкцій: “він / вона біжить” або “він / вона біжить в сьогочасний момент” [5, с. 73]. Але людина, яка спілкується мовою хопі, може обрати з більш широкого кола теперішнього часу, який залежить від знання або не знання спілкуючимся вагомості зробленого ним твердження, наприклад: “Я знаю, що він / вона біжить в сьогочасний момент”, “Я знаю, що він / вона біжить в сьогочасний момент, хоча я не бачу його / її”, “Мені сказали, що він / вона біжить”, тощо [5, с. 78].

На прикладі цього типу, Уорф підсумовує зв'язок між культурою та мовою, та загальні відмінності у баченні світу людьми, які спілкуються різними мовами. Він вважає, що кожна мова грає дуже важливу роль у формуванні світосприйняття людей, які використовують її.

Бачення зв'язку між мовою та культурою загальновідомо під назвою “Теорія Сапіра-Уорфа”. У цієї теорії є як прихильники, так і критики. На наш погляд, її не зовсім досліджене місце – це неможливість узагальнення всіх культур та приписування цих узагальнень мовам, які використовуються в даних культурах. Наприклад, соціолінгвіст Фарб у своєму дослідженні стверджує, що відсутність годинників, календарів та писемних джерел в хопі тим самим доводить відмінність у поглядах на час, ніж у людей, які спілкуються європейськими мовами [8, с. 50].

Сапір та Уорф бачать культурну важливість лінгвістичної форми в якості набагато глибше розташований рівень, ніж одна з визначених культурних моделей. Таким чином, справжня цінність гіпотези Сапіра-Уорфа не в забезпеченні певних та детерміністичних зв'язків між особливими лінгвістичними категоріями та розумовими моделями людей в системі культури, а в виразному союзі мови, розуму та всієї культури мовленнєвого суспільства [8, с. 45].

Підбиваючи підсумки всього вищезазначеного, ми можемо сказати, що ця теорія дуже важлива в наш час. Багато українських досліджень були проведені за допомогою неї. Наприклад, кримськотатарська мова порівнюється з іншими тюркськими мовами, українська – з іншими слов'янськими.